

ГАЛИНА
ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

ПОД ЗАЩИТОЙ ГОРНЫХ ДУХОВ

Галина Сергеевна Фёдорова-Косарева

Под защитой горных духов

Серия «Коллекция современной прозы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64985362

Под защитой горных духов: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2021

ISBN 978-5-907395-89-3

Аннотация

Этот сборник замечательных сказочных историй предназначен не только для детей, но и для взрослых.

Хотя все мы озабочены насущными проблемами и серьёзными делами, в сердце каждого есть уголок, где и поныне хранятся наши ребяческие фантазии. Именно потому многие из нас умеют удивляться мелочам и открывать новое в привычном и знакомом мире...

Автор не сомневается в существовании домовых, фей, джиннов, гномов и прочих обитателей волшебного мира, увлекательно рассказывая о простых ситуациях с их участием. Книга учит пристальнее вглядываться в мир вокруг себя, думать, печалиться, сострадать, радоваться – жить ярче и интереснее.

Содержание

Вперёд, в сказку!	5
Самовар и Ваза	7
Кастрюля и Сахарница	15
Квартира номер 36 и ее обитатели	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Галина Фёдорова-Косарева

Под защитой горных духов

© Галина Фёдорова-Косарева, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Вперёд, в сказку!

Сказки, притчи... Многие читатели сразу подумают, что эта книга для детей. Но почему тогда нет цветных рисунков?..

Да потому что я написала книжку для юношей и девушек, а также для людей совершенно взрослых. И потому яркие красочные иллюстрации возникнут сами собой, в воображении читателя.

Конечно, дорогие мои книгочеи, вы люди серьёзные и озабочены делами важными. Но... Да-да, я знаю, в глубине вашего сердца с малых лет сохранился детский уголок. И потому вы умеете удивляться мелочам и открывать новое в привычном и знакомом. Хотя, конечно, давно не верите в существование Деда Мороза, домовых, фей, джиннов, гномов и прочих обитателей волшебных миров.

А я верю!.. Более того, совершенно не сомневаюсь, что эти фантастические создания существуют. И рассказываю вам о них...

Хотя ситуации в сказках моих как будто самые простые происходят. Но среди будничных дел, за стеной дождя, порой вдруг сверкнёт перо Жар-птицы...

Гномы и феи – они живут где-то неподалёку. Просто мы их и не видим или не замечаем... Но если посмотреть внимательнее, мы сможем их увидеть, – и какими разноцветны-

ми красками сразу заиграет тогда наш мир!

Может быть, он приоткроет нам свои тайны... Научит чему-то новому. Или заставит думать, печалиться, сострадать, радоваться – жить ярче и интереснее.

А потому – вперёд, в добрую волшебную сказку!

Галина Фёдорова-Косарева

Самовар и Ваза

Жил-был большой Самовар. Медный, блестящий, пузатый и очень гордый. Он считал себя самым главным в доме.

И не случайно. Каждое утро его ставили на круглый стол, застеленный вышитой скатертью, в самом центре комнаты; все домашние садились вокруг. Завтракали булочками и бутербродами – с сыром, маслом, мёдом, вареньем... Хотя каждый спешил по своим делам, Самовар знал, что, как бы ни торопились хозяева, без чашечки чая никто не убежит из дома... и он старательно пыхтел, а из его аккуратного крафика в чашки весело текла струйка кипятка...

Днём Самовар скучал, дремал... В эти утомительные часы ожидания ему оставалось только любоваться стоящей в углу керамической китайской Вазой. Она обычно жила на изящном небольшом комоде, покрытом белым кружевом. И казалась очень замкнутой, никогда не вмешивалась в разговоры чашек, ложек и прочих столовых приборов. Многие даже думали, что она просто не умеет говорить по-русски. Иностранка. Не понимает разговору. Вот и молчит.

Ваза была вся в нежно-зелёном и голубом наряде со слегка выпуклыми цветами. А с боков у нее были приделаны тёмные ручки-обманки. У основания и на перешейке браслетики – полоски с геометрическим рисунком. Но самое главное, что занимало Самовар, – это пейзажики с обеих сторон. И

какие! Самовар не уставал их разглядывать! Гора. Берег моря. Чайки в небе. Лодочки под парусами. Рыбак с удочкой. Другая жизнь!

Самовар не столько любовался Вазой, сколько думал о той, другой жизни.

Иногда Самовар и Вазу хозяева меняли местами. Когда кто-нибудь по праздникам приносил в дом букеты душистых роз или элегантных гладиолусов. Тогда Ваза оказывалась в центре мира, и всё внимание было устремлено на неё. Самовар немного обижался, но знал, что придёт время чаепития, и он снова займёт своё генеральское место.

Вечернее застолье всегда было намного продолжительнее утреннего и сопровождалось беседами, рассказами о событиях прошедшего дня. Самовар отодвигали чуть в сторону, и серединку стола занимала огромная Супница, а потом Блюдо со вторым... Но как бы ни были эффектны фигурное, расписанное яркими цветами Блюдо или круглая, изукрашенная завитками фарфоровая Супница, Самовар всё равно смотрел не столько на них, сколько в угол комнаты, на таинственную молчаливую Вазу.

И в эти часы своей временной отставки он казался себе совсем старым, неинтересным, неуклюжим со своими блестяще-медными, почти зеркальными боками... Тихонько сопел и вздыхал. Но вздохов этих, кажется, никто и не замечал. Ни гордячка Ваза, ни Супница или Блюдо...

За столом текла лёгкая беседа или царило молчание —

лишь позвякивали стаканы в серебряных подстаканниках да тихо переговаривались между собой мельхиоровые болтушки-ложки. Посмеивались над старым генералом Самоваром, что глаз не сводит с Вазы-чужестранки! Вот они, вилки-ложки, из одного с ним роду-племени, металлические, а он их и не замечает вовсе... Или, скажем, ажурные подстаканники! А какие кастрюли замечательные, новомодные, большие, есть на кухне! Так нет же, Самовар на одну Вазу только и смотрит...

Но хозяйева за столом, конечно, не слышали их пересудов. Как-то так получалось, что Самовар и Вазу даже и близко-то никогда не ставили. А Самовар мечтал хотя бы рядышком с красавицей оказаться! Но нет, только издалека мог он любоваться её изящной фигурой.

Как-то воскресным летним днем Самовар не на шутку перепугался.

Хозяйский сыночек (шумный подросток) нечаянно, во время спора с зашедшим в гости однокашником, так двинул рукой, что задел китайскую Вазу, и та с глухим стоном упала на пол. У Самовара закружилась голова, в ушах зазвенело. Он понял, что произошло что-то страшное. Конечно! Разбилась! Разбилась! Она разбилась! Самовар закрыл глаза от ужаса. Он ничем не мог помочь несчастной. Осколки быстро вымели...

Самовар не мог прийти в себя от горя. Однако мельхио-

ровые болтушки-ложки (которые, в сущности, были добрыми особами) постарались успокоить расстроенного воздыхателя. Вазу не выбросили, а отнесли в ремонт, и мастер взялся её склеить. Старому хозяину Ваза очень дорога, он сам, ещё в юности, привез её откуда-то издалека.

Ложки всё знали, что творится в доме. Им можно было верить.

И в самом деле, через несколько дней Ваза, целёхонька, снова стояла на своем месте. Но в её молчаливом взгляде появилось новое выражение. Боль, конечно, это были боль и мудрость. Что ж, мудрость не приходит без страданий. Теперь Самовар смотрел на свою вечно молчащую иностранку с ещё большей любовью и нежностью.

Так шли годы. Занемог старый хозяин, долгими днями он не выходил из своей комнаты, лёжа в постели, но вечерами всё же вставал к чаю... А потом совсем перестал появляться за обеденным столом. Постепенно Самовар начал забывать его похудевшее лицо с небольшой бородкой.

Выросли и разъехались дети, дома оставался пока только старший сын, и старая хозяйка старалась сохранять порядок, заведённый в семье. Видимо, сил на это у неё уже не хватало. Или новое время пришло?..

И однажды Самовар обнаружил себя утром не на столе и не в углу на столике, а в кладовке, рядом с чугунным Утюгом, который надо было греть на плите, прежде чем что-нибудь

погладить. Которым уже давно никто не пользовался. Самовар даже заплакал от огорчения. Последние капли упали на тагильский расписной поднос, на котором он всегда и стоял.

Как-то он поинтересовался у всезнающих мельхиоровых ложек, которые обычно жили в металлической коробке из-под халвы: кто же командует на чаепитиях теперь вместо него? Кто генерал? И те ответили, что генерала, мол, и нет. Без генерала обходятся. Хозяева купили электрический чайник...

Грустно стало Самовару. Совсем пал духом. Утешение он находил только в мыслях о Вазе. Она-то по-прежнему в комнате, украшает собой жизнь дома. Пусть хоть она будет счастлива...

Но ложки вскоре, торопясь и перебивая друг друга, рассказали Самовару, что у них снова новость, да какая! Молчаливица-Ваза вдруг заговорила. Оказывается, она так была огорчена его исчезновением, что начала плакать и разговаривать. Она спрашивала у них, у ложек, о его судьбе. И очень беспокоилась, всё ли у него в порядке. Не заболел ли.

Самовар очень удивился. Он и не думал даже, что гордая красавица вообще замечала его. И вот! Надо же, она умеет разговаривать! Она заговорила! Её взволновало, что стол опустел без Самовара! Какое счастье! Это его так тронуло, что он снова мог бы заплакать, но у него больше не было слёз. Заикаясь от волнения, когда-то гордый Самовар обратился к ложкам с нижайшей просьбой. Просьб-то от него и

не слышал никто никогда.

– Пожалуйста, милые ложки, успокойте Её, скажите, что у меня пока всё в порядке. Мол, на пенсии. Жив, здоров. И всегда помню о Ней.

Жизнь шла своим чередом. И в один ненастный день мельхиоровые ложки сообщили Самовару новости, которые снова лишили его спокойствия. Молодой хозяин женился, невестка берет всё в свои крепкие руки. Что теперь будет с ними, обитателями тёмной кладовки? Нынче не принято беречь родительское наследство, все избавляются даже от крепкой ещё мебели. Не то что от такой мелочи, как сервизы, ложки-вилки да старые утюги-самовары! Называется «утилизация»...

Однако не о себе подумал в этот тревожный час влюблённый Самовар. Он с новой надеждой стал мечтать: может быть, скоро Ваза тоже окажется тут, в кладовке, и они будут миг – или вечность! – вместе, рядом?.. Но потом ему пришла в голову страшная мысль. А как если её сюда, в кладовку, и не поставят даже, а сразу отправят на помойку? Ведь она склеенная... И какая судьба теперь ждёт его дорогую красавицу?

Самовар принялся молиться, и не свою судьбу смягчить умолял он богов, но просил, чтобы с его дорогой Вазой не случилось какого худа.

И, видно, услышали его Небеса. В один прекрасный мо-

мент молодая хозяйка, которая решила обновить всё в доме, не глядя, сунула на полочку рядом с Самоваром китайскую керамическую Вазу. А потом и Супницу, и большое Блюдо с цветами... Убрала с глаз долой.

Для Самовара и Вазы это казалось исполнением мечты. Вот оно, Счастье. Как говорится, с милым рай и в шалаше. Самовар и Ваза впервые в жизни оказались рядом, взялись за руки. Говорили и наговориться не могли. Ваза рассказала, что всегда любовалась медным Самоваром, так на неё непохожим. Думали только об одном: как бы теперь вовек не расставаться. Пусть так, кладовка, темно, тесно, паутина, но они вместе, рядом.

И компания подобралась хорошая: Утюг, Супница, Блюдо, ложки и всякая-разная ещё другая утварь...

Однако злключения нашей парочки на этом не закончились.

Молодая хозяйка твёрдо решила освободить пространство от векового хлама. Но, как женщина неглупая и расчётливая, она решила не выкидывать на свалку-помойку барахло мужниных родственников, благополучно ушедших в мир иной, а сначала попытаться хоть что-нибудь да продать. Для этого был приглашен в дом Оценщик.

Прошло всего несколько дней – и вот! Почти все соседи по кладовке снова стояли на праздничной скатерти, вымытые и начищенные. Самовар и Ваза чувствовали торжество момента, хотя и не могли понять: что за парад?.. Что их ждет?

Так на стол не накрывают. Тут какой-то другой случай...

Ровно в 12 часов в квартире появился высокий рыжеватый человек в очках. О чём-то быстро переговорил с хозяйкой (хозяин, наверное, был на работе, и это происходило без него). Гость уселся за стол, но угощения никакого на столе не было. Да, видимо, он не чай пить в этот дом пришёл. По делу.

Внимательно и придирчиво рассматривал он одну за другой выставленные на скатерти вещи. Каждой определял цену. Потом расплатился с хозяйкой, быстро-быстро упаковал всё в коробки. И – был таков.

Что потом стало с вещами?.. Что-то было отдано на благотворительность. Что-то пошло на продажу в антикварный магазин. А нашу китайскую Вазу и медный Самовар ждала особая честь: они попали в музей.

И теперь наши герои могли всегда держаться за руки, потому что стояли снова на одной полке... Иногда в музее проходили экскурсии, и тогда гостей поили чаем из Самовара. А Ваза (с цветами!) стояла рядом и любовалась дорогим своим другом. Особенно радовались дети, что пили чай из настоящего, взаправдашнего Самовара.

И в эти дневные часы Самовар и Ваза снова вспоминали свой дом, где они встретились, старых Хозяина и Хозяйку. И с той же нежностью смотрели друг на друга. Им несказанно повезло. Случается же такое Счастье в жизни!..

Ну а ночью... Ночью в музее было совсем тихо.

Кастрюля и Сахарница

Старая, почерневшая эмалированная Кастрюля, в которой варили теперь всё больше только картошку в мундире, почесала спину, устроилась на полочке поудобнее и задремала. Цветочки, украшавшие когда-то её стенки, давно потеряли свежесть. Зато ручки из нержавеющей стали были всё так же блестящи и надёжны. «Мой шарфик!» – говорила она и поправляла его, если он съезжал со своего верхнего этажа. Но сейчас он был на месте, и Кастрюля, успокоенная, мгновенно уснула...

Тарелки, жившие неподалёку в шкафчике, сделали знак остальной посуде, и перезвякивание, перестукивание, болтовня сразу же прекратились. А некоторые тарелки и особенно блюдца такие балаболки... Однако замолчали. Все в этой небольшой квартирке уважали Кастрюлю, аксакала Кухни.

Но тишина длилась недолго. В дверь медленно вошла Хозяйка. Такая древняя, что ни одна из кастрюль или тарелок не могла сказать, что попала в этот дом раньше неё. Им казалось, она была здесь всегда. Девочкой, девушкой, матерью семейства – и вот теперь одинокой старушкой. Муж умер, дети выросли и разлетелись – старая история...

Хозяйка присела к столу с молитвенником. Она молилась по утрам и вечерам, перед едой и после неё... Ненарушаемый ритуал. Вся посуда понимала значимость момента – ста-

рая дама с некоторых пор часто ходила на службы в храм. Из окна кухни можно увидеть его сияющие белизной колонны, жёлтые стены, восьмерик на четверике, зелёный купол и синюю маковку на взметнувшемся ввысь барабане. Слышались по утрам и вечерам мелодичные перезвоны колоколов.

Сегодня воскресенье. Но Хозяйка отчего-то не спешит к заутрене. Почему? Может, давление подскочило?.. Не похоже. Выглядит бодрой, лицо светлое. Как в простые будние дни, после беседы с Создателем, варит себе овсяную кашу на молоке. И какое ей дело до новомодных утверждений, что зерно и молоко не сочетаются...

Вся посуда очень любила Хозяйку. Столь аккуратно накрывала она на стол – по четыре-пять раз за день, хотя и ела обычно в полном одиночестве. И уж так тщательно мыла и протирала каждую ложечку и тарелку, прежде чем убрать всё по своим давно определённым местам... Двигалась неторопливо, спокойно, но всё успевала: и дверцы навесных шкафов протереть, и дверные ручки... Порядок, красота, чистота всегда царили в квартире.

В доме бережно сохранились старые вещи, однако фарфор всё же иногда бьётся, поэтому кое-что прикупалось, и только одна Сахарница с серебряными ножками гордо утверждала, что она родом из дома аж бабушки Хозяйки и родилась еще в позапрошлом веке. Рассказывала, что раньше в неё накладывали кусковой сахар, и были специальные щипчики, чтобы его колоть. А теперь сахарный песок в моде. Вот

она и стоит в шкафу без дела.

Ее рассказам не особо верили. Больше всех удивлялась такому наглому вранью старая Кастрюля. Она была убеждена, что древнее её, Кастрюли, и нет никого на белом свете! Разве что сама Хозяйка, которую она помнила еще невестой. Тогда на свадьбу молодым и подарили набор украшенных цветочками кастрюль. Она одна с тех пор все тут и живёт, а остальные её сестрички поразъехались по другим домам и городам с семьями выросших детей... Она одна бережёт в душе воспоминания о той поре и иногда даже рассказывает своим соседкам, как тогда юная невеста уговорила своего суженого венчаться в церкви. В те-то советские времена...

После завтрака Хозяйка обычно выходит погулять или в магазин сходить – за тем, за другим... Но сегодня она не собирается, кажется, на улицу. Всё хлопочет на кухне. Ждёт кого-то? Гости так редко появляются здесь... Изредка заходит сын, живущий с семьей неподалёку. Приносит продукты. Обычно долго не задерживается. «Мой соцработник», – невесело шутит Хозяйка.

А вот, кажется, и он. Нет, не он... Сын открывает дверь своим ключом, а тут звонят. Певучая мелодия разбудила старую Кастрюлю, она вся обратилась в слух. Да и любопытные тарелки со вниманием стали наблюдать за развитием событий. Вышла из своего вечного полусна-медитации и Сахарница на пенсии.

Хозяйка взволнованно поспешила к входной двери. Го-

сти! Вот почему не пошла она сегодня даже на службу в храм.

В квартиру зашла краснощёкая весёлая девушка в шляпке. Это была далёкая родственница, столь редко – раз в несколько лет – тут появляющаяся, что даже многоуважаемая Кастрюля не сразу признала её. Только Сахарница с серебряными ножками сразу сообразила, кто навестил их дом. У неё, несмотря на возраст, была отличная память, и она была очень внимательна ко всему происходящему. Сахарница и шепнула всей остальной посуде, что это внучатая племянница, внучка сестры давно умершего Хозяина... Когда-то и сама сестра приезжала сюда. И эту внучку привозила, еще ребёнком.

Объятия, разговоры. Посуда вся готовится к обеденному «балу», а на столе и час, и другой – всё фотоальбомы... Наконец, обед – совсем не праздничный, скромный... Потом все уходят на прогулку к реке.

Оказывается, торжество намечено на вечер. Пришёл сын с женой и детьми-школьниками. Эти тут и не появляются вовсе. Им не до бабули и приехавшей родственницы: сразу уткнулись в компьютер. Хозяйке гаджеты современные как бы совсем ни к чему. Сын поставил на тот случай, если вдруг ему у матери придётся подзадержаться. Или детей сюда на время отправить...

Взрослые, наконец, собрались ужинать. Посуда радовалась. Кастрюли в деле. Всё кипит, варится, парится... На

льняной скатерти расставлены тарелки, в центре для торта – большое, расписанное цветами фарфоровое Блюдо, бокалы, хрустальные резные вазочки... Только старая Сахарница по-прежнему грустит на своём месте в шкафчике... Её не позвали на бал!

А на столе!.. Нарезаны колбаска, сыр. Разложены салаты... Дымится ароматный плов.

Однако... Оказывается, молодая родственница приехала ненадолго и торопится на поезд. Потому ужин проходит в хорошем темпе. Мальчиков кормят отдельно. Так тут принято.

И вот, когда девушка уже собралась в обратную дорогу и стояла с сумкой на пороге, Хозяйка всплеснула руками:

– Как же я, старая, забыла! Семён, Марина, – обратилась она к сыну и снохе, – вы ведь не будете возражать, если я подарю нашей дорогой гостье ту вазочку?

– Какую еще вазочку, мама?

– Ну, конфетницу! Сахарницу! С серебряными ножками! Дедушкину любимую...

– Ты же знаешь, мама, никому из нас это твоё старое барахло не нужно. Дари что хочешь...

Хозяйка медленно проплыла в кухню и достала с полочку ту самую Сахарницу.

– Это дореволюционная вещь. Цены ей нет. Раритет. Ты вот историей рода занимаешься, тебе и следует её подарить. Бери. Храни. Память от прадеда...

Гостья скинула пальто и вернулась на кухню.

– Тетя Мила, да тут какая-то печать, герб царской России. Двуглавый орел... Надо же! И написано, вот, смотрите: «Товарищества М. С. Кузнецова...» Я буду ее беречь.

Посуда слушала этот разговор с удивлением и восторгом. Оказывается, с ними всегда жила старинная чудная вазочка. Принцесса среди посуды, можно сказать... Голубая кровь. И не заносилась. А они-то думали, что Сахарница всё сочиняет, и не слушали её воспоминаний... А ведь она, наверное, еще многое могла бы им рассказать о тех далёких временах и людях...

– Да, живая история... Не дай Бог, разобьётся... Надо вернуть аккуратно. И вам не жалко отдавать её?!

– Ты же слышала, сыну не нужно. Он уже много чего просто выкинул. Или продал. Бери, бери на память.

Когда к ночи все гости ушли, усталая Хозяйка, помолившись, выключила свет и легла в постель.

А на кухне продолжалась жизнь. Посуда бурно обсуждала события дня. Одни жалели Сахарницу – зачем их соседку куда-то увезли? Другие недоумевали. Как это они и не догадывались, кто среди них был самым старшим по возрасту, да и по положению. Серебряная штучка из дореволюционного резного деревянного буфета со стеклянными дверцами... Как Хозяйка сказала – раритет!

Старая Кастрюля молча слушала эти разговоры... видно, долго думала. Потом строго, авторитетно заявила:

– Мы будем помнить нашу подружку. Красавицу. Скромницу. В новом доме, надеюсь, ей будет хорошо. Её поставят на видное место и будут показывать с гордостью всем, кто зайдёт на огонёк. Мы-то думали, что она Сахарница-пенсционерка, а она уже перешла в высшее сословие. Стала предметом антиквариата... А теперь всем спать!

– А что такое «раритет», «антиквариат»? – несмело спросила любопытная чайная ложка. Но старая Кастрюля медленно поправила свой шарфик – стальные ручки из нержавеющей стали – и посмотрела на неё столь уничижительно, что та прикусила язычок.

Теперь уже точно на кухне не было ни одного предмета кухонной утвари старше и главнее старой Кастрюли.

Квартира номер 36 и ее обитатели

Однажды холодной промозглой сентябрьской порой, когда на улице рано темнеет (хотя до настоящего вечера еще далеко), маленький домовый Петруша совсем загрустил. Он остался один в полупустой квартире номер 36. Все его родные уехали, когда хозяева увозили часть вещей.

А он упёрся и не поехал! Не хотел покидать свой дом. Хранил глубоко в душе воспоминания о прошлом, о детстве...

Многие годы мохнатое семейство оберегало покой супругов, тихо-мирно проживших в этой квартире весь свой век. Выходили старики по утрам погулять с палочками, пройтись до ближайшего магазина. Обязательно угощали и домовых чем-нибудь вкусненьким.

Изредка появлялись в доме взрослые дети с шумными внуками. Петруша любил особенно маленькую Лерочку, дочку хозяйского сына Олега, и охотно играл с ней в прятки и мячики...

Отец рассказывал, что, когда Олег был еще малышом, он сам тоже охотно изобретал всякие-разные затеи... Тогда любили играть в шарады, в «пятнадацать», в города... Ну и в мячики, само собой... Но ребятишки имеют обыкновение вырастать очень быстро, а потом уже и не видят домовых... Да и забавы детские им становятся неинтересны... Вернее,

у них появляются свои, взрослые игры – гаджеты, автомобили... Вот Олег приезжает к родителям на «Лексусе». Сам теперь все время со смартфоном в руках... Он и Лерочке купил какие-то чудные часы-маячок, чтобы в любой момент видеть, где она...

Так что для домовых счастье играть с детьми обычно продолжается недолго. Три-четыре года. Но пока... пока Петруша мог играть с Лерой... Однако гости долго не задерживались, уезжали – и в квартире снова воцарялась тишина. Домовые заваливались спать и дремали сутками. Все было в порядке в их жилище. Жаль только, что в доме не было печей, как в избах в былые времена. Именно за печкой и устраивали когда-то свое «гнёздышко» домовые. А теперь уж как придётся... спали в основном на полочках в кухне, недалеко от газовой плиты. Потеплее тут...

Годы шли, уже и Лерочка об играх с домовыми постепенно позабыла. Она стала юной стройной девушкой с длинными и толстыми чёрными косами. Волосы – главное украшение женщин. Как раньше ими гордились невесты! А теперь все подряд стригутся... чуть не налысо. Лерочка молодец, пока держится, ходит с косами... Петруша любовался ею каждый раз, когда внучка навещала дедушку и бабушку. А те – рады-радехоньки – угощали её пирожками. И домовым перепали лакомые кусочки...

Но вот наступило печальное время, когда один за другим

куда-то уехали престарелые хозяева квартиры. Далеко, видимо, и надолго. Домовые скучали. Они очень любили деда и бабушку... И всё ждали их возвращения.

Время замерло. Квартира стояла пустая, всеми покинутая. Семейство домовых лило слезы, томилось от неизвестности, голода и заброшенности. Спасали песни. Домовые садились рядом и тоскливо изливали на весь мир свою печаль... Однако слышали их лишь немногочисленные духи соседних квартир. Стучали по батарее: мол, заткнитесь... Но наши домовые тосковали и должны были хотя бы петь, чтобы жить...

И вот однажды в квартире снова появилась Лерочка. Пришла с высоким молодым человеком, и они долго бродили по комнатам и даже потанцевали в коридорчике. Влюблённые... Как давно домовые не видели таких славных лиц...

Петруша решил, что Валерия с мужем теперь будут здесь жить... Так он предположил. Но, видимо, судьба распорядилась иначе.

Сын бывших хозяев Олег, Лерочкин папа, как-то пришёл с двумя рабочими, смуглыми, крепкими, говорящими не на привычном русском, а на каком-то другом языке. Они живо и ловко упаковали часть мебели, вещей, книг, посуды. Заворачивали в полиэтилен, обвязывали пёстрыми лентами... Домовые настороженно наблюдали за всем происходящим. Глава мохнатого семейства о чём-то напряжённо думал – и вот принял решение. Старший по званию, он решительно

скомандовал:

– Быстро ныряем в сумки! Все! Нужно успеть уехать с этой «Газелью»!

Мать и братьев уговаривать не пришлось. Они понимали, что пора спасаться, бежать из этого опустошённого дома. Потому поторопились забраться в упакованные баулы.

А Петруша решительно отказался, хотя родители настойчиво звали его с собой. В конце концов, он уже совсем взрослый, старший среди братьев, и ему пора начинать петь собственную песню, а не выступать вечно в хоре... Отец убеждал, что, похоже, квартира продана, и оставаться нет резона. А с новыми хозяевами могут приехать их домовые, будет война, но Петро был непреклонен.

– Я с Лерочкой договорюсь. Она же хозяйкой будет... А чужие домовые – откуда? Что ты придумываешь, отец?!

Уехали. Петруша остался один. Впрочем, тут по-прежнему стояли некоторые вещи, которые он помнил с младенчества. Изящный старинный комод. Высокий тяжёлый шифоньер с зеркалом. Скатанный цветастый восточный ковёр с длинным ворсом.

Однако дни шли за днями, а ничего не происходило. Лерочка и ее отец, видно, позабыли про квартиру совсем.

Всё замерло. Жизнь остановилась. Петруша уже потерял счёт времени. Тёплая солнечная летняя погода сменилась осенними дождями. На улице становилось всё холоднее, а отопление в квартире не включали. Бедный Петруша уже не

знал, как ему спастись от неминуемой гибели. И холодно, и голодно. И одиноко. Не вытерпел, позвонил отцу:

— Как у вас там? Напомните Олегу и Лерочке, что квартира наша пустует. Ждёт их решения. Я тут уже промёрз и с голодухи пухну...

— К нам перебирайся. К Олегу в дом. Мы тебя всегда ждём. А хозяевам нашим о квартире напомнить-то как? Они нас не слышат и не видят. А дочка их с мужем уехали, сняли себе другое жильё, откуда им поудобнее на работу добираться. Так мы поняли... Так что лети к нам!

— Нет, я уж ещё потерплю. Подожду... Придут же новые хозяева... Как же без домового квартира будет жить?

Отец тяжело вздохнул. Но не настаивал... Сын стал взрослым. Пускай сам решает свою судьбу.

Чтоб окончательно не замерзнуть, Петруша забрался в скатанный в трубочку пушистый ковёр, немного согрелся и уснул.

А проснулся снова от холода, ещё более колючего, чем раньше. И понял, что пока он спал, кто-то, похоже, выставил ковёр на холодную лоджию, она не застеклена даже. Так что наш домовый практически оказался на очень свежем воздухе.

Петруша высунул головку из горловины ковра и убедился, что он таки точно на лоджии. Тут и помереть можно... Надо как-то назад в комнаты попадать!

Укараулил. Какой-то мужчина (совершенно незнакомый)

стал вытаскивать на балкон шкафчик из ванной. Улучив минутку, Петруша юркнул назад, в тёплую комнату. И поскорее на кухню, в любимый уголок – в салфетницу, за фарфоровыми, белыми с цветами розетками. Ещё пока стоит на месте. Удобно. Отсюда всё слышно. А если занять позицию в коридоре, то можно и понаблюдать, что же происходит в доме.

А в квартире наводили порядок новые жильцы... да-да, конечно, это отец с сыном. Такие же смуглые и жилистые, как те, что паковали и перевозили часть вещей. Видно, южане. На заработки приехали, наверное.

Добра у них немного. Но вот раскрывается чемодан – и из него вываливается... Ничего себе! Говорил же отец, новые домовые могут прибыть, а он как-то легкомысленно отнесся к его предупреждениям... Однако надо знакомиться и сразу брать быка за рога.

– Привет. Меня зовут Пётр. Я тут хозяин! А кто ты и откуда?

Гость как-то сник сразу, засмутился... и хотел было нырнуть назад в чемодан. Но Петро крепко схватил его за рукав.

– Я...я...я... Меня зовут Эссен, в переводе с туркменского значит «благополучие». Меня в командировку отец отправил с хозяевами нашими, чтобы у них, значит, всё было благополучно. Они по электрике мастера... Так что ты не бойся, я ненадолго. Я не претендую на твою квартиру. У меня дома свой – настоящий большой особняк есть...

Так у Петра появился товарищ. Командировочный. Оно

и хорошо: вдвоём повеселее. И песни стали петь теперь дуэтом. Петро научил друга русским напевам, а тот его своим – туркменским протяжным мелодиям.

Всё бы ничего, да только через несколько месяцев сын с отцом с квартиры съехали. Нашли другое жильё, подешевле. А домового своего не взяли с собой. И в родной южный особняк не отослали... Попросту бросили, забыли впопыхах!

Эссен долго плакал и надеялся, что за ним вернутся.

Но Петро успокоил его:

– Не грусти. Вместе будем тут жить, дом хранить-беречь. Но ты должен знать, что я тут главный, старший... А ты как мой младший брат будешь...

– Ладно, что там теперь... Затягивается моя командировка, – печально ответил Эссен.

Следующими в квартире поселились две молодые подружки-медики. Прибыли из провинции завоёвывать большой город. Тут и заработки поприличнее, и женихи кругом гуляют... Незамужние врачихи привезли с собой сразу двух домовых. Девушки-домовушечки выскочили из рюкзачков и кинулись сразу танцевать... Так надоело им ехать в поезде, в темноте-тесноте! Очень обрадовались они новому дому.

Петро и Эссен пытались их танец остановить, образумить подружек, объяснить, что именно они, молодые мужчины, тут командиры и хозяева, но те их просто на смех подняли.

– Прекрасно, теперь вам будет веселее, – заявила домовушечка повыше ростом. – Меня зовут Эстер. А ее – просто

Зина. Теперь мы танцевать будем все вместе. Не умеете? Научим! Мы и еду приготовим, и постельки приберём, а песни теперь будем петь квартетом...

Стало ясно, что девушек домовым послала сама судьба. И Петро скоро свил семейное гнездышко с круглолицей низенькой Зиной. А востроносенькая Эстер предпочла маленького тощенького Эссена.

– Откормлю, – заверила она. – Солидным станет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.